

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ: ПРИРОДА И СЛЕДСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Ш. ШВАРЦ

Шварц Шалом (Schwartz Shalom H.) — заслуженный профессор психологии Иерусалимского университета, бывший президент Международной ассоциации кросскультурной психологии. Автор книг и статей по социальной, кросскультурной, политической психологии, социологии, образованию, праву и экономике. За свои научные работы награжден наиболее престижной гражданской наградой государства Израиль.
Контакты: msshach@mssc.huji.ac.il

Резюме

В статье представлены теория и метод измерения культурных ценностных ориентаций, предложенные Ш. Шварцем. Анализируется природа культурных ценностей как базовых элементов культуры. На основе эмпирических исследований, выполненных в 84 странах мира под руководством автора, выделяются 8 различных культурных ареалов, строится карта расположения стран вдоль 7 базовых культурных ценностных ориентаций: Принадлежности, Интеллектуальной и Аффективной Автономии, Иерархии, Равноправия, Мастерства, Гармонии. Приводятся корреляции ценностей с уровнем социально-экономического развития, типами экономических и политических систем.

Что такое культурные ценностные ориентации?

Основные положения

Преобладающие ценностные установки в обществе могут составлять основную характеристику культуры (Hofstede, 1980; Inglehart, 1997; Schwartz, 1999; Weber, 1958; Williams, 1958). Эти ценностные установки выражают понятия о том, что хорошо

и желательно, т. е. о культурных идеалах. Обширный комплекс значений, убеждений, обычаев, символов, норм и ценностей, которые преобладают у людей в обществе, — это проявления лежащей в их основе культуры.

Я рассматриваю культуру как латентную, гипотетическую переменную, которую мы можем измерить только через ее проявления. Лежащие под ними нормативные ценностные предпочтения влияют на эти

проявления и сообщают им определенную степень согласованности. С этой точки зрения, культура не локализована в умах и действиях отдельных людей. Скорее, она вне индивида. Она связана с прессингом, которому подвержен индивид в силу того, что живет в определенной социальной системе.

В психологических терминах этот культурный прессинг имеет отношение к стимулам («праймам»), с которыми человек встречается более или менее часто в своей повседневной жизни и на которых осознанно или неосознанно фокусируется его внимание. Повседневные стимулы, встречающиеся в обществе, могут привлекать внимание, например, в большей степени к индивиду или к группе, к материальным или духовным проблемам. Этот культурный прессинг также может выражаться в языковых паттернах (например, использование местоимений, которые подчеркивают значимость Я в противоположность значимости Других — Kashima, Kashima, 1998). В социологических терминах этот прессинг связан с редко или часто встречающимися ожиданиями, которые предписываются ролям в социальных институтах. Требуют ли ожидания, с которыми мы сталкиваемся в школе, в большей степени запоминания или умения задавать вопросы? Поощряют ли ожидания, встречаемые нами в правоохранительной системе, поиск правды или выигрыш в судебном деле независимо от «правды»? Частота определенных стимулов, ожиданий и обычаев, рассматриваемых как сами собой разумеющиеся, в обществе выражает нормативные ценностные установки,

которые лежат в сердцевине культуры.

Этот взгляд на культуру противоречит взглядам, согласно которым культура является психологической переменной. С точки зрения последних, культура — это убеждения, ценности, способы поведения и/или стили мышления, распределенные характерным образом среди индивидов в обществе или иной культурной группе. Культура, как я ее понимаю, влияет на распределение индивидуальных убеждений, действий, целей и стилей мышления через прессинг и ожидания, с которыми сталкиваются люди. Культурная ценность скромности и повиновения, например, находит выражение в стимулах и ожиданиях, которые побуждают к широко распространенным конформности и стремлению держаться в тени. Я был поражен этой культурной установкой и ее выражением, когда путешествовал по деревням Таиланда и Лаоса.

Способ организации социальных институтов, их правила и повседневная практика эксплицитно или имплицитно сообщают ожидания, которые выражают лежащие в их основе ценностные установки культуры. Например, конкурирующие экономические системы, конфронтационные правовые системы, воспитание детей с ориентацией на достижения выражают ценностную установку культуры на успех и честолюбие. Это соответствует культурному стереотипу Америки — стереотипу, в котором содержится зерно истины, как мы увидим на эмпирических данных. Благодаря этим социальным институтам, люди, живущие в обществе, постоянно встречаются с праймами и ожиданиями, которые активизируют

лежащие в их основе культурные ценности.

Преобладающие культурные ценностные ориентации представляют собой идеалы. В качестве таковых они способствуют взаимосвязи между различными сторонами культуры. Те стороны культуры, которые несовместимы с ними, вероятнее всего, будут провоцировать напряжение, вызывать критику и испытывать давление, направленное на их изменение. Культуры, конечно, не являются полностью согласованными. Субгруппы внутри обществ исповедуют конфликтующие ценности. Доминирующая культурная ориентация меняется в ответ на изменение позиций власти между этими субгруппами. Но это изменение медленное (см. далее, а также: Hofstede, 2001; Schwartz, Bardi, Bianchi, 2000). Тем не менее, культурные ценностные ориентации действительно постепенно меняются. Адаптация обществ к эпидемиям, технологическому развитию, росту благосостояния, контакту с другими культурами, войнам и другим экзогенным факторам ведет к изменениям в ценностных установках культуры.

Семь культурных ценностных ориентаций

Все общества сталкиваются с определенными базовыми проблема-

ми регулирования человеческой деятельности (Kluckhohn, Strodtbeck, 1961). Культурные ценностные установки эволюционируют и изменяются с течением времени, по мере того как общества предлагают решения этих проблем¹. Я использую набор базовых социальных проблем, отобранных на основе их центральности для жизни обществ, чтобы вывести измерения, по которым можно сравнивать культуры. Культурные ценностные ориентации на полюсах измерений являются веберовскими идеальными типами; реальные культурные группы располагаются между этими полюсами. Я вывел эти ориентации из априорного теоретизирования о возможных социальных ответах на ключевые проблемы.

Первая проблема — это определение природы отношений и границ между личностью и группой. В какой степени люди автономны или принадлежат своей группе? Я обозначил полярные позиции на этом культурном измерении как **автономия** в противоположность **принадлежности**. В автономных культурах люди рассматриваются как независимые, имеющие границы существа. В людях в таких культурах поощряется возвращение и выражение собственных предпочтений, чувств, идей и способностей, а также поиск смысла своей собственной уникальности. Существует два типа автономии: **интеллектуальная**

¹ Вопрос о том, почему в каждом конкретном обществе возникают конкретные предпочтения мало исследован. Несомненно, роль играют история, экология, технология и всевозможные случайные факторы (см., напр.: Diamond, 1996; Schwartz, in press; Schwartz, Ros, 1995). Ниже я представлю несколько конкретных объяснений, когда буду обсуждать культурные профили стран, которые расходятся с профилями соседей, а также когда буду анализировать взаимные влияния культуры и социальной структуры.

автономия поощряет индивидов независимо развивать свои собственные идеи и направления интеллектуального развития. Примерами значимых ценностей в таких культурах являются широта взглядов, любознательность, творчество. **Аффективная автономия** поощряет индивидов к поиску собственного эмоционально-положительного опыта. Значимые ценности здесь — это удовольствие, интересная и разнообразная жизнь.

В культурах с акцентом на **принадлежность** люди рассматриваются как сущности, включенные в коллективы. Смысл жизни видится в основном в социальных отношениях, в идентификации с группой, разделении ее образа жизни и стремлении к общим целям. Культуры, где ценится принадлежность, делают акцент на сохранении статус-кво и препятствовании действиям, которые могут нарушить внутригрупповую солидарность или традиционный порядок. Важные ценности в таких культурах — это социальный порядок, уважение традиций, безопасность, подчинение и мудрость.

Вторая социальная проблема — это обеспечение ответственного поведения, сохраняющего социальное устройство. Это означает, что люди должны быть включены в продуктивную работу, необходимую для поддержания общества, а не деструктивно соперничать или бездействовать. Людям нужно внушить необходимость думать о благополучии других, координироваться с ними и таким образом справляться со своей неминуемой взаимозависимостью. На полюсе решения, названном **равноправием**, есть стремление убедить

людей признавать друг друга как морально равных, разделяющих общие человеческие интересы. Люди воспитываются так, чтобы усвоить обязательство сотрудничать и заботиться о благополучии других. Ожидается, что люди будут действовать в пользу других, и это будет их выбором. В ряду значимых ценностей в таких культурах — равенство, социальная справедливость, ответственность, помощь и честность.

Полярная альтернатива, обозначенная как **культурная иерархия**, основывается на иерархической системе предписанных ролей, для того чтобы обеспечить ответственное, продуктивное поведение. Неравное распределение власти, ролей и ресурсов не только определяется здесь как приемлемое, но и является желательным. Люди воспитываются так, чтобы воспринимать иерархическое распределение ролей как само собой разумеющееся, чтобы выполнять обязанности и правила, соответствующие их ролям, чтобы выказывать уважение вышестоящим и ожидать уважения от подчиненных. Ценности социальной власти, авторитета, повиновения и богатства очень важны в иерархических культурах.

Третья социальная проблема — это регуляция использования людьми человеческих и природных ресурсов. Культурный ответ на эту проблему, названный **гармония**, предполагает придание особого значения приспособлению к социальному и природному миру, желание ценить и принимать его, а не изменять, управлять или использовать. Важные ценности в культурах гармонии включают мирную жизнь, единство с природой, защиту окружающей

среды и принятие своей судьбы. **Мастерство** — это полярный ответ культуры на эту проблему. Здесь поощряется активное самоутверждение для овладения, управления природной и социальной средой и ее изменения с целью достижения групповых или личных целей. Такие ценности, как честолюбие, успех, самодостаточность и компетенция, особенно важны в культурах мастерства.

Итак, в изложенной теории описываются три биполярных измерения культуры, представляющие собой альтернативные решения каждой из трех проблем, которые встают перед всем обществами: **принадлежность** против **автономии**, **иерархия** против **равноправия** и **мастерство** против **гармонии** (см. рис. 1). Акцент

общества на одном полюсе какого-либо измерения культурной ориентации обычно сопровождается отсутствием акцента на противоположном полюсе, относительно которого есть тенденция конфликта. Так, американская и израильская культуры более склонны придавать значение мастерству и аффективной автономии и совсем не ценить гармонию. Культуры Ирана и Китая придают значение иерархии и принадлежности, но не равноправию и интеллектуальной автономии. Российская культура, по сравнению с большей частью культур мира, придает значение иерархии, но не противоположной ей ориентации на равноправие.

Ценностные культурные ориентации взаимосвязаны между собой,

Рис. 1

Культурные ценностные ориентации: теоретическая структура

что определяет их совместимость. Так как некоторые ориентации имеют общие положения, они порождают сходные ожидания. Например, равноправие и интеллектуальная автономия разделяют положение, что люди могут и должны брать на себя индивидуальную ответственность за свои действия и принимать решения, основываясь на своем личном понимании ситуаций. Высокие уровни равноправия и интеллектуальной автономии обычно сочетаются, как, например, в Западной Европе. Ценности принадлежности и иерархии разделяют положение, что роль человека в коллективе и обязательства по отношению к нему более важны, чем его индивидуальные идеи и стремления. По данным моих исследований, обе эти ценности высоки в культурах Юго-Восточной Азии.

Общие и противостоящие положения, свойственные культурным ценностям, порождают гармоничную круговую структуру отношений между ними. Структура отражает культурные ориентации, которые совместимы (оказываются смежными в круге) или несовместимы (отдалены друг от друга в круге). Как было отмечено, эта точка зрения на культурные измерения, согласно которой они формируют единую, неортогональную систему, отличает мой подход от других.

Измерение и проверка валидности культурных ценностных ориентаций

Кросскультурно-валидный опросник ценностей

Я операционализирую ценностные предпочтения индивидов с по-

мощью Опросника ценностей Шварца, который включает 56 или 57 пунктов-ценностей (SVS: Schwartz, 1992; Schwartz & Boehnke, 2004). Значение каждого из этих абстрактных пунктов (например, социальная справедливость, подчинение, творчество, социальный порядок, удовольствие, честолюбие) раскрывается в скобках. Респонденты указывают значимость каждого пункта как «ведущего принципа МОЕЙ жизни». Респонденты из культурных групп каждого населенного континента анонимно заполнили опросник на родном языке². Чтобы избежать смещения в сторону Запада, в SVS были включены пункты источников всего мира: опросников ценностей, философских и религиозных текстов и экспертных мнений ученых. Это было сделано для того, чтобы включить все мотивационно различные ценности, которые признаются в разных культурах, а не фиксировать те, которые характерны лишь для определенных культур. Появляется все больше свидетельств того, что в опроснике не была упущена ни одна значительная, связанная с особой мотивацией ценность (de Clercq, 2006; Schwartz, 2005a).

Чтобы использовать ценности в кросскультурных сравнениях, их значения должны быть в разумной степени сходны в разных культурах. Для каждой из 70 стран в отдельности было проведено многомерное шкалирование пунктов-ценностей, которое показало, что 46 из 57 пунктов

²Я признателен 110 коллегам за помощь в сборе данных. Все они перечислены в приложении.

имеют в достаточной степени эквивалентные значения (Schwartz, 2006; Fontaine, Poortinga, Delbeke, Schwartz, in press). Эти 46 пунктов составляют набор для оценки теории на уровне культур. Они были отобраны вследствие эквивалентности значений в разных культурах, но без всякой связи с теорией культурных ориентаций. Чтобы найти априорные маркеры для каждой из семи культурных ценностных ориентаций, я искал пункты, содержание которых выражало установку для каждой из ориентаций. Мне удалось найти от 3 до 8 пунктов, служащих маркерами для каждой ориентации.

Эмпирические свидетельства существования семи культурных ценностных ориентаций

Последняя оценка валидности семи культурных ценностных ориентаций и отношений между ними проводилась по данным, собранным в 1988–2005 гг. Среди участников было 88 выборок школьных учителей (k-12) из 64 культурных групп, 132 выборки студентов колледжей из 77 культурных групп и 16 репрезентативных региональных или национальных выборок из 13 стран. Большинство выборок представляли преобладающие группы населения страны. В нескольких гетерогенных странах были набраны отдельные выборки из крупных групп меньшинств. В излагающемся далее анализе используются данные 55 022 респондентов из 72 стран и 81 различной культурной группы.

Для каждой выборки мы посчитали средний ранг каждой ценности. Здесь мы рассматривали выборку

как единицу анализа. Далее мы скоррелировали средние значения ценностей в разных странах. Корреляции отражают степень, в которой ценности коварируют на уровне выборки (страны) или на культурном, но не на индивидуальном уровне. Эти корреляции статистически независимы от корреляций между индивидами внутри любой выборки. С помощью конфирматорного многофакторного шкалирования корреляций между средними проверялось, подтверждают ли данные существование семи культурных ориентаций и отношений между ними.

Двухмерная проекция на рис. 2 изображает паттерн интеркорреляций между усредненными по выборкам ценностями. Точки соответствуют пунктам опросника. Чем выше положительная корреляция между любой парой ценностей, тем ближе они располагаются в пространстве. Чем меньше корреляция, тем больше удалены друг от друга точки. Теоретическая модель подразумевается как окружность или квазисфера, на которой каждая ориентация близка к той (коррелирует положительно), с которой она совместима, и отдалена от той (коррелирует отрицательно), с которой она конфликтует (как на рис. 1). Подтверждение возможности выделения ориентаций зависит от того, удастся ли найти ограниченные в пространстве области, отражающие семь выделенных ценностей. Подтверждение предсказываемых теорией отношений между ориентациями зависит от того, удастся ли обнаружить, что ограниченные области, соответствующие ориентациям, формируют окружность, упорядоченную соответствующим теории образом.

Рис. 2

Культурный уровень анализа: результаты многомерного шкалирования
(233 выборки, 81 культурная группа)

Сравнение рис. 2 и рис. 1 показывает, что наблюдаемое содержание и структура культурных ценностных ориентаций полностью подтверждают теоретически предсказываемые содержание и структуру. Анализ позволяет ясно различить семь ориентаций: пункты, а priori выбранные для представления каждой ценностной ориентации, локализованы внутри отдельной клинообразной области пространства. Не менее важно, что семь областей, представляющих ориентации, формируют единую куль-

турную систему, постулированную в теории: они расположены вокруг центра окружности, следуют вокруг нее в предполагаемом порядке и формируют полюса трех широких культурных измерений. Заметим, что три культурных измерения не являются факторами. Измерения — это векторы в пространстве, которые соединяют противоположные ориентации³.

Балл для каждой культурной ценностной ориентации в стране — это средний рейтинг значимости ценностей, которые представляют эту

³ Анализ отношений между ценностями на индивидуальном уровне выявил иную структуру, а именно ту, которая соответствует 10 связанным с определенными мотивациями ценностям, характеризующим индивидуальные различия (Schwartz, 1992). Например, подчинение и социальная власть коррелируют положительно на культурном уровне анализа, потому что члены общества, организованного вокруг легитимности иерархии, должны принимать то, что они

ориентацию. Для контроля индивидуальных и групповых смещений в использовании шкалы ответов при подсчете баллов по ориентациям перед их подсчетом я калибровал ответы каждого респондента по его/ее среднему рейтингу по всем пунктам. Чтобы увеличить надежность основанных на SVS баллов в странах, я сложил средние для учителей и студентов в 52 странах, где оба эти типа выборок были доступны. В 21 стране были получены данные только по учителям или только по студентам. В этих странах я оценивал недостающие выборочные средние, используя регрессию.

Страна как культурное единство

Страны редко представляют собой гомогенные общества с общей для всех культурой. Заключение о национальной культуре зависят от того, какие группы населения подвергаются изучению. В моих исследованиях культурной ориентации в рамках SVS использовались выборки учителей и студентов, а не выборки, репрезентативные для нации в целом. Поэтому важно установить, что баллы, полученные на различных выборках, одинаково ранжируют страны.

Я оценивал устойчивость относительных показателей в странах по семи видам культурной ориентации путем сравнения трех типов под-

групп. Во-первых, сравнивал показатели младших и старших респондентов: в подгруппах учителей — моложе и старше 37 лет. Средняя корреляция между показателями в двух подгруппах составила 0.91: от 0.96 (принадлежность) до 0.78 (мастерство). Во-вторых, средняя корреляция для студентов-мужчин и студентов-женщин в 64 исследованных странах была от 0.90: от 0.96 (принадлежность и интеллектуальная автономия) до 0.82 (гармония). В-третьих, средняя корреляция между учителями и студентами в 53 странах составила 0.81: от 0.90 (равноправие) до 0.57 (мастерство).

В третьем случае корреляция была слабее, поскольку сравниваемые подгруппы различались как по возрасту, так и по профессии. Этот факт показывает, что при сравнении культурных ценностных ориентаций стран необходимо точно уравнивать характеристики выборок в разных странах. Аналогичные данные сообщает Р. Инглехарт касательно высокой корреляции между странами в отношении двух применяемых им показателей культуры при сравнении подгрупп, различающихся по уровню дохода, а также жителей городов или деревень (Inglehart, 2001). Можно считать, что данные подтверждают точку зрения, согласно которой страны обладают определенным культурным единством. Это

являются подчиненными одних людей и начальниками других. На индивидуальном уровне эти две ценности коррелируют негативно, так как одновременное стремление к подчинению и социальной власти является противоречивым для индивидов (Schwartz, 1999). Это подтверждает ту точку зрения, согласно которой культуры и индивиды — это различные единства, а нормативные культурные системы обществ и мотивационно-ценностные системы индивидов организованы по разным принципам.

не отрицает того, что существуют важные культурные различия между этническими группами и регионами внутри стран. В настоящее время я провожу исследования по изучению этих различия.

Скорость культурных изменений

Разговоры о глобализации и ее влиянии на культуру приводят теоретиков, исследователей и обычных людей к представлению, что культура быстро изменяется, а культурные группы становятся менее дифференцированными. Нет сомнения в том, что сближение между странами в стиле одежды, употребляемых населением продуктах, музыкальных вкусах действительно происходит.

Путешественники находят голубые джинсы, гамбургеры и рок-оркестры почти в каждой посещаемой ими стране. Можно ли, однако, считать, что эти изменения отражают также ориентации нормативных ценностей, которые лежат в основе функционирования социальных институтов, образующих культурный пресс, с которым люди считаются? Изучение отдельных случаев, а также эмпирический анализ динамики базовых ценностей дают нам представление о скорости изменений в культурных ценностях.

М. Кон и К. Шулер предположили, что переживание нацией рабства способствует распространению ценности конформности в обществе и препятствует развитию ценности автономии (Kohn, Schooler, 1983). Они предполагали, что эффект рабства будет очень слабо угасать в течение столетий. Чтобы проверить свою гипотезу, они изучали различия

в ценностях различных этнических групп в Америке. Они сравнивали группы людей, предки которых приехали из европейских стран, которые различались по тому, было ли в их стране рабство и как долго оно длилось. Как и предполагалось, этнические группы Америки, эмигрировавшие из страны, где никогда не было рабства, проявили наиболее выраженные ценности автономии. Чем позднее страна освобождалась от рабства (от 1600 до 1861), тем меньшие показатели автономии обнаруживались в этнической группе из этой страны, что подтверждает исходную гипотезу.

Ф. Могахадам и Д. Кристал проследили с давнего времени нормы, основанные на ценностях, которыми руководствуются властные отношения и обращение с женщинами в XX в. в Иране и Японии (Mogahadam, Crystal, 1997). Они нашли, что корни этих современных норм берут начало 1500 лет назад в Иране, а в Японии с начала эры Токагава, 400 лет назад. Р. Патнэм изучал прогресс демократии в отношении культурных корней, начиная с XII в. в различных частях Италии (Putnam, 1993). Эти три случая указывают на то, что культурные элементы могут действовать столетиями.

Эмпирически исследовалось, насколько различия ценностных ориентаций между разными странами меняются с течением времени. Р. Инглехарт и В. Бекер изучали динамику двух ценностных показателей, используя Международный мониторинг ценностей (World Values Survey), в течение в среднем девяти лет в 38 странах (Inglehart, Baker, 2000). Ими обнаружена на этом временном

промежутке корреляция на уровне 0.91 между «традиционными/секулярно-рациональными ценностями» и на уровне 0.94 между ценностью «выживания/самовыражения». К. Велцел, Р. Инглехарт и Х. Клингеман исследовали по Международному мониторингу ценностей изменения в «ценностях эмансипации» (ценностях собственного выбора человека) (Welzel, Inglehart, Klingemann, 2003). Корреляция между данными 1990 и 1995 гг. в 50 странах составила 0.95; между 1995 и 2000 гг. в 27 странах — 0.94.

В моей работе я изучал динамику ориентаций по семи показателям по 36 выборкам в 21 стране в течение около семи лет. Некоторые из этих стран пережили огромные социальные преобразования за 1988–1999 гг. В Китае, например, произошли поразительные изменения в экономике и политической практике, бурно выросла экономика. Гонконг перешел от британского к китайскому управлению. Венгрия и Польша избавились от коммунистического правления. Тем не менее, корреляция между измеряемыми показателями была устойчивой: принадлежность — 0.90, интеллектуальная автономия — 0.86, аффективная автономия — 0.83, иерархия — 0.85, равноправие — 0.90, гармония — 0.88, мастерство — 0.89. Эти показатели могут быть скорее занижены, поскольку многие выборки в двух исследованиях не очень хорошо соответствовали друг другу.

Таким образом, различия между странами в культурных ценностях оказываются вполне стабильными: *относительные* позиции стран в этих ориентациях меняются очень медленно. Р. Инглехарт свидетельствует

о постоянном возрастании постматериалистических ценностей в разные периоды наблюдения в большинстве стран, однако относительная позиция страны при этом сохраняется (Inglehart, 1997). Согласно моим данным, полученным на 36 выборках, единственное заметное изменение состояло в среднем возрастании (на 0.3 стандартных отклонения) в ценности гармонии. Различия между выборками по каждому из семи измерений были практически идентичными в обеих временных точках. Тем самым оказывается, что уровень ценностных различий в стране не только стабилен, но и не обнаруживается тенденции к сближению между странами. Следование другим странам в одежде, еде, музыке не означает подражания в большинстве других, более значимых сторонах культуры, прежде всего — ценностных ориентациях. В наших трудах и в исследованиях, проводимых в рамках Международного мониторинга ценностей, конечно, анализируются изменения на сравнительно небольших периодах. Мы должны дождаться накопления данных о более длительных периодах изменений, прежде чем приходиться к заключению о скорости этого процесса.

Карта мира, отражающая культурные различия

В данном разделе будут представлены данные о расположении в культурном пространстве 77 культурных групп, представленных выборками учителей и студентов. Чтобы решить эту задачу, я вначале стандартизировал все групповые показатели по семи ценностным ориентациям в

соответствии с их средними. Это дало каждой группе культурный профиль, отражающий относительную значимость семи ценностных ориентаций. Затем создавалась матрица культурных дистанций между всеми парами групп. Дистанция вычислялась как сумма абсолютных различий между парами групп по каждой из семи ценностных ориентаций.

Например, относительные показатели между Россией и Францией были следующими: гармония — 3.9/4.2; принадлежность — 3.8/3.2; иерархия — 2.7/ 2.2; мастерство — 4.0/3.7; аффективная автономия — 3.5/4.4; интеллектуальная автономия — 4.3/5.1; равноправие — 4.4/5.1. В данном случае дистанция между культурными профилями равна 4.1. В сравнении с этим культурные дистанции между Россией и Украиной (0.5) и между Россией и Польшей (0.6) намного меньше. Культурные дистанции между Россией и США (1.6) и между Россией и Китаем (1.6) можно назвать средними.

Затем я применил многомерное шкалирование, чтобы построить двумерное пространственное представление дистанций между всеми группами (см. рис. 3). Наконец, в пространстве многомерного шкалирования были построены векторы (оптимальные регрессионные линии), которые обозначали направление возрастания показателей для каждой из семи ориентаций (используя технику «совмещенных графиков» — Goldreich, Raveh, 1993). На рис. 3 виден полный вектор для ценности принадлежности, идущий с

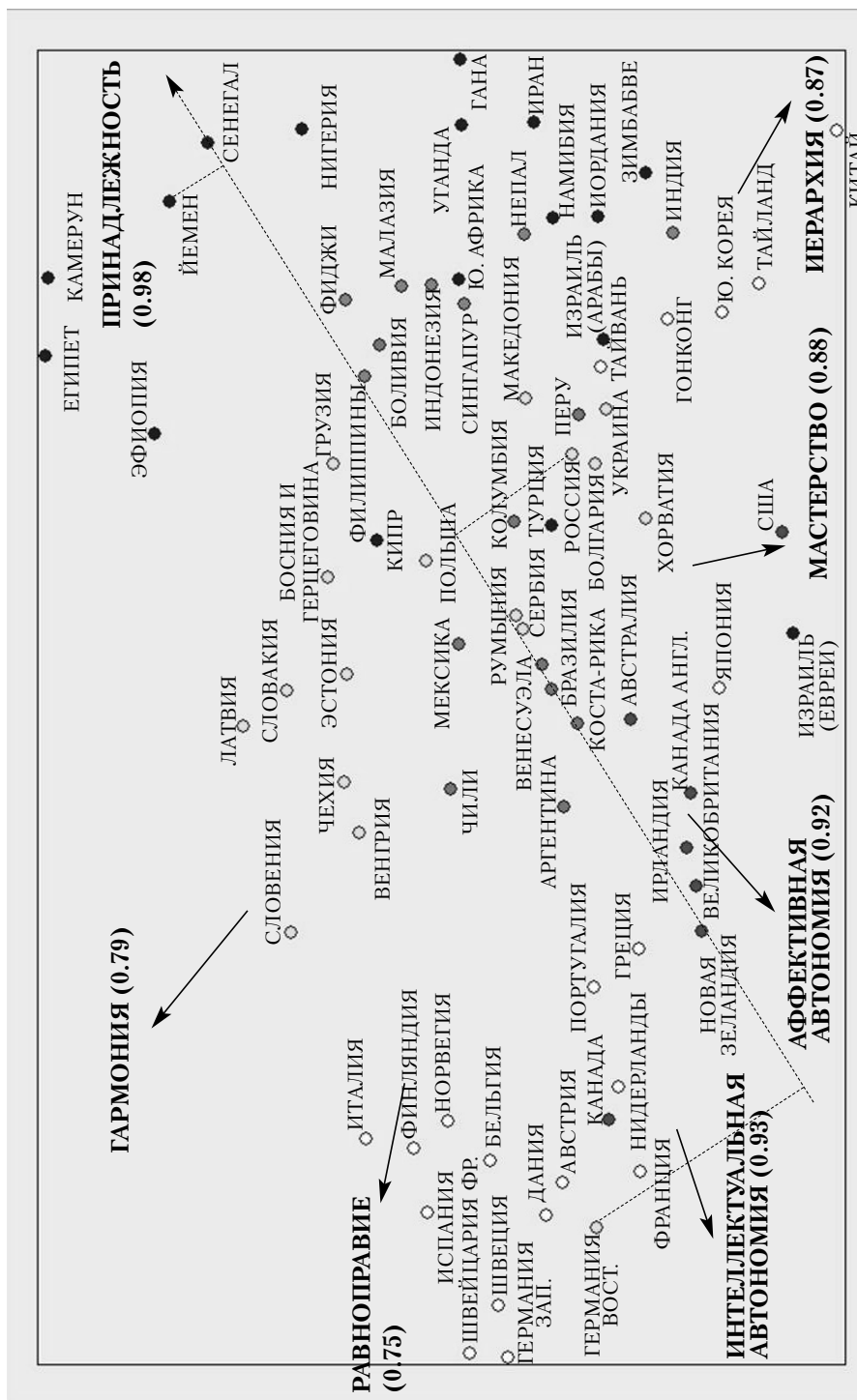
нижней левой до верхней правой границ. Проведя перпендикуляр из точки положения культурной группы к вектору **принадлежности**, можно видеть балл данной группы по **принадлежности** относительно остальных групп. Перпендикулярная линия на рис. 3 показывает, что Йемен отличается очень высокими показателями по **принадлежности**, Россия — относительно высокими, а Западная Германия — очень низкими. Продолжения этих векторов пройдут через центр рисунка, прямо над Румынией.

Корреляция между реальными балльными оценками культурных групп по ориентациям и их положение относительно векторов ориентаций представлены в скобках рядом с названиями ориентации. Значительная величина корреляций (от 0.75 до 0.98) свидетельствует о том, что положение большинства выборок соответствует действительности. Причина этого в том, что профиль большинства стран находится в соответствии с теоретической структурой культурных измерений. Культурные профили с сильной выраженностью одного полюса ценностной ориентации обычно обладают слабой выраженностью противоположного полюса ориентации и обнаруживают сходные уровни выраженности смежных ориентаций. Например, китайская культура по сравнению со всеми остальными очень ориентирована на **иерархию** и смежное с ней **мастерство**, но слабо ориентирована на противоположное ей **равноправие** и смежную с ним **гармонию**⁴.

⁴ Поразительное исключение представляет Япония. Девять выборок, полученных в Японии, показали необычное сочетание культурных элементов. В культуре присутствует сильно выраженная

Рис. 3

Совместное представление 77 национальных групп в пространстве 7 культурных ценностных ориентаций

Рассмотрим два примера (рис. 3) культурного профиля страны по всем семи культурным ориентациям. В культуре Швеции (вверху слева) выражены **гармония, интеллектуальная автономия, равноправие**, в умеренной степени — **аффективная автономия**. Культурный акцент на принадлежности низок, а на мастерстве и иерархии — очень низок. В противоположность этому в Зимбабве (справа внизу) **мастерство, принадлежность и иерархия** очень высоки, **аффективная автономия** в среднем положении, а **равноправие, интеллектуальная автономия и гармония** занимают самое низкое место.

Чтобы получить ясное представление о культурных вариациях в мире, я разделил пространственную карту 77 культурных групп, проведя границу вокруг сходных по интересующему нас признаку стран. Таким путем я выявил восемь транснациональных культурных групп. На рис. 4 представлены эти культурные регионы: Западная Европа, англо-говорящие регионы, Латинская Америка, Восточно-Центральная Европа и страны Балтии, православная Восточная Европа, Южная Азия, конфуцианские страны, Африка и Ближний Восток. Только восемь культур помещаются вне культурного региона,

Рис. 4

Карта культурных регионов мира

ориентация на **иерархию** и **гармонию**, но не на **принадлежность**, являющуюся смежной с ними; сильно выражена **интеллектуальная автономия**, но не смежное **равноправие**. Такие данные по Японии приводят к неправильному ее размещению на карте. Однако это неожиданное сочетание элементов не удивит исследователей японской культуры (Benedict, 1974; Matsumoto, 2002). Оно указывает на культуру, переживающую переходный период и развивавшуюся в условиях внутреннего напряжения.

частью которого они, казалось бы, могли быть. Три из них принадлежат культурно неоднородному Ближнему Востоку (Турция, Греческий Кипр, Израиль). Восемь культурных регионов почти полностью совпадают с культурными регионами, которые Р. Инглехарт и В. Бэйкер выделили на основании своего двумерного принципа (Inglehart, Baker 2000). Они также обнаруживают поразительные параллели с зонами, выделенными С. Хантингтоном на основе качественного анализа (Huntington, 1993).

На большинство регионов оказывает влияние географическое соседство. Поэтому культурное сходство внутри регионов, конечно, связано в известной степени с распространением ценностей, норм, практики, институтов через национальные границы (Naroll, 1973). Однако свою роль играют также общая история, язык, религия, уровень развития и другие факторы⁵. Чтобы проиллюстрировать восприимчивость культурных ориентаций к такого рода факторам, рассмотрим примеры культур, которые не располагаются в регионах, где их можно было бы ожидать.

– Культура французской Канады очевидным образом ближе западно-европейской, особенно французской, по сравнению с англоязычной канадской культурой, что отражает ее исторические и языковые корни.

– Культура Восточной Германии близка культуре Западной Германии,

имея с ней общий язык, историю и традиции, чего нельзя сказать о прилегающей части Восточной Европы.

– Турецкой культуре присущи **равноправие** и **автономия**, низок уровень **иерархии** и **принадлежности**, что не характерно для соседних ближневосточных стран. Возможно, это связано с турецкой секулярной демократией, долгой историей восточноевропейского влияния и современной борьбой за присоединение к Западу.

– Греко-киприотская культура имеет высокую **принадлежность** и низкую **автономию**. Это можно объяснить 1000-летней историей правления Византии и Османской империи, а также влиянием ее восточного христианства.

– Еврейско-израильская культура близка англоговорящей культуре и дистанцирована от окружающего Ближнего Востока с его арабской культурой. Израиль организован Европой и имеет сильные политические и экономические связи с США.

– В ряду латиноамериканских стран население Боливии и Перу наименьшим образом соприкасалось с европейской культурой и низко развито экономически. Этим можно объяснить, почему ее культуре присуща более высокая ценность **иерархии** и **принадлежности**, чем у ее соседей.

– Ситуация в Японии рассмотрена в примечании 4.

⁵ Ш. Шварц, а также Дж. Зигель и А. Лихт, обсуждают исторические источники национальных различий в отношении принадлежности и равноправия (Schwartz, in press; Siegel, Licht, Schwartz, 2007). Ш. Шварц и М. Рос, а также Ш. Шварц и А. Барди предложили первоначальное объяснение того, как возникли англоязычный, западноевропейский и восточноевропейский культурные профили (Schwartz, Ros, 1995; Schwartz, Bardi, 1997).

Рассмотрим теперь культурные ориентации, характеризующие каждый отдельный культурный регион. Я основываю эти характеристики на балльных оценках культурной ориентации, поскольку, как отмечено выше, расположение семи переменных в двумерном пространстве не может быть совершенным. Несмотря на это, расположение регионов на рис. 4 достаточно точно и высокоинформативно.

Западная Европа. В соответствии с ее положением слева на рис. 4 западноевропейская культура оказывается самой высокой по **равноправию, интеллектуальной автономии, гармонии** и самой низкой по **иерархии и принадлежности**. Этот профиль сохраняет свою силу при контроле валового национального дохода на душу населения (в 1985 г.). Хотя высокий экономический уровень Западной Европы может влиять на ее культуру, другие факторы оказываются критическими. Этот культурный профиль подходит для демократических регионов с серьезной заботой об окружающей среде (Este, Halman, Seuren, 1994).

Хотя западноевропейские страны имеют много общего между собой в культуре по сравнению с другими странами мира, однако внутри региона существуют значительные вариации. Греческая культура с ее относительно высоким **мастерством**, низкими **интеллектуальной автономией** и **равноправием** наименее типична для Запада. Культура Франции и французской Швейцарии имеет относительно высокую **иерархическую** ориентацию для Западной Европы и одновременно высокие **аффективную** и **интеллектуальную автоно-**

мию. Они определенно сохраняют в некоторой степени ориентацию на **иерархию**, вопреки их преданности **автономии**. Детальный анализ этого явления выходит за рамки статьи.

Англоязычные регионы. Культура англоязычного региона в сравнении с остальным миром характеризуется особенно высокими показателями **автономии** и **мастерства** и низкими **гармонии** и **принадлежности**. Америка отличается от других англоязычных стран выраженным акцентом на **мастерстве** и **иерархии** при меньшей выраженности **интеллектуальной автономии, гармонии** и **равноправия**. Этот профиль выявляет напористую, прагматическую, предпринимательскую и даже эксплуататорскую ориентацию по отношению к социальному и природному окружению. За исключением США, этот регион практически гомогенен.

Культурные различия «Запада». Широко распространен взгляд на западную культуру как индивидуалистическую. Однако более сложное представление о семи видах культурной ориентации открывает поразительные различия внутри Запада. Сравнивая 22 выборки из Западной Европы с шестью выборками из Соединенных Штатов, Ш. Шварц и М. Рос нашли большие и значимые различия по шести из семи культурных ориентаций (Schwartz, Ros, 1995). **Равноправие, интеллектуальная автономия, гармония** выше в Западной Европе; **мастерство, иерархия** и **принадлежность** выше в Соединенных Штатах. Применение термина «индивидуализм» для описания любой из этих культур искажает картину, открывающуюся при нашем анализе.

Культурная ориентация Западной Европы индивидуалистична в одном смысле: она акцентирует **интеллектуальную и аффективную автономию**, но снижает **иерархию и принадлежность** по сравнению с культурами других стран мира. Однако приоритеты Западной Европы противоречат пониманию индивидуализма в другом смысле: они акцентируют **равноправие и гармонию**, но не акцентируют **мастерство**. Это значит, что такая культура призывает к бескорыстной заботе о благе других людей, стремится к согласию с природным и социальным миром, а не к борьбе с ним за изменения путем насильственных действий. Это противоречит тому, как обычно понимается индивидуализм.

Культурные предпочтения в Соединенных Штатах имеют другой, но столь же комплексный паттерн: индивидуалистический аспект американских ценностных ориентаций подчеркивает **аффективную автономию и мастерство** за счет **гармонии**. Это может быть источником стереотипного взгляда на американскую культуру как поддерживающую эгоизм и самопродвижение. Но это не есть в подлинном смысле индивидуализм, поскольку **интеллектуальная автономия** относительно неважна. Более того, **иерархия, принадлежность, ориентация на коллективизм** выше, чем в Западной Европе. Это согласуется с акцентированием религиозных, консервативно-семейных ценностей и репрессиями по отношению к отклонениям, что отмечается исследователями аме-

риканской культуры (напр.: Bellah, Madsen, Sullivan, Swidler, Tipton, 1986; Etzioni, 1993).

Конфуцианство. Регион, находящийся под влиянием конфуцианства, также обнаруживает прагматическую, предпринимательскую ориентацию. Однако эта ориентация сочетается с очень выраженными **иерархией и мастерством** при отвержении по сравнению с другими регионами **равноправия и гармонии**. Этот регион ценит **принадлежность** больше, чем европейские и американская культуры. Этот культурный профиль созвучен многим сторонам конфуцианской культуры (Bond, 1996). Внутренние различия региона незначительны, за исключением Японии, где существенно выше **гармония и интеллектуальная автономия**, но ниже **принадлежность и иерархия**.

*Африка и Ближний Восток*⁶. Культурные группы Тропической и Северной Африки, и мусульманского Ближнего Востока образуют большой ареал, который трудно разделить на выраженные регионы. Эти культуры отличаются высокой значимостью **принадлежности** при низкой **аффективной и интеллектуальной автономии**. Соответственно они находят смысл жизни в социальных взаимодействиях с членами своей группы, защищая при этом групповую солидарность и традиционный порядок в большей степени, чем культивируя индивидуальность. Сказанное хорошо соответствует выводам исследований стран Ближнего Востока (Lewis, 2003) и Тропической

⁶ Я исключаю Кипр, израильских иудеев и Турцию, обсуждавшихся выше.

Африки (Гуекуе, 1997). Внутри этого региона есть различия во всем, за исключением **принадлежности, равноправия и интеллектуальной автономии**.

Южная Азия. Культура Южной Азии отличается особо выраженными **иерархией и принадлежностью** при слабых **автономии и равноправии**. Акцент делается на выполнение обязанностей внутри иерархической системы — послушание в отношении тех, кто имеет более высокий статус или авторитет, и ожидание приниженности и покорности от нижестоящих. Как и в Африке, социальные отношения внутри своей группы воспринимаются как придающие жизни смысл в большей степени, чем собственные стремления. За исключением Индии, где высока ценность **мастерства**, все группы здесь весьма однородны в культурном отношении. Разнообразие господствующих религий (индуизм, католицизм, ислам, буддизм, протестантизм) в этом регионе не приводит к разнородности в базовых ценностях.

Восточно-Центральная Европа, страны Балтии в сравнении с Восточной Европой и Балканами. Оба эти региона отличаются меньшими **принадлежностью и иерархией**, чем Африка, Ближний Восток и Южная Азия, но большими, чем Западная Европа. Культура Восточно-Центральной Европы и стран Балтии (по нашим данным, Хорватия, Чехия, Эстония, Латвия, Венгрия, Польша, Румыния, Словения, Словакия) об-

ладают несколько более высокими гармонией и интеллектуальной автономией и менее выраженной иерархией, чем балканская и более восточные культуры (по нашим данным, Босния-Герцеговина, Болгария, Грузия, Македония, Россия, Сербия, Украина)⁷.

Балтийские и государства Центральной Европы имеют более сильные исторические и торговые связи с Западом, были в меньшей степени затронуты тоталитарным коммунистическим правлением и раньше от него освободились. Эти факторы позволяют объяснить, почему их культурный профиль ближе к Западной Европе. Страны же восточно-европейского и балканского культурного региона имели более слабые связи с Западом, исторические контакты с Османской империей, в большей степени испытали влияние коммунизма и практикуют более консервативную и ингрупповую направленность, исповедуют православную религию (Zemov, 1961, 1971). Эти факторы помогают объяснить относительно слабую выраженность у них **равноправия и интеллектуальной автономии** и сильную — **иерархии**.

Латинская Америка. Латиноамериканская культура близка к средним мировым значениям по всем семи ценностным ориентациям. Более того, за исключением Боливии и Перу, где население было подвержено влиянию европейской культуры, этот регион является особенно однородным в культурном отношении.

⁷ Грузия и Босния-Герцеговина представляют собой исключения, заслуживающие дополнительных исследований.

Некоторые исследователи описывают латиноамериканскую культуру как коллективистскую (Hofstede, 2001; Triandis, 1995). В сравнении с Западной Европой это действительно похоже на истину. Латинская Америка отличается более высокими **иерархией** и **принадлежностью**, которые рассматриваются как основные компоненты коллективизма, и менее выраженной **автономией** — главным компонентом индивидуализма. Однако противоположное соотношение наблюдается, когда Латинская Америка сравнивается с Африкой, Ближним Востоком и Южной Азией. Этот пример подчеркивает важность эталона для сравнения. Культура той или иной группы предстает в сравнении с общемировыми показателями иначе, чем при более узком сравнении.

Взаимное влияние ценностных ориентаций и социальной структуры

Культура и социальные структуры очевидным образом влияют друг на друга. Культурные ориентации стоят за структурным устройством общества и предоставляют лидерам, формирующим социальные институты, как цели их деятельности, так и аргументы для обоснования этой деятельности. В то же время функционирование социальных институтов оказывает обратное влияние на культуру. Успех какого-либо социального института подкрепляет культурные ценности, согласующие-

ся с его способом деятельности. Провал же социального института приводит к потере легитимности связанных с ним ценностей и оправдывает выдвижение альтернативных.

Рассмотрим три примера.

1. Если капиталистическая рыночная система, которая реализует скорее ценность **мастерства**, чем **гармонии** или **равноправия**, успешно справляется с производством и справедливым распределением благ, то ценность **мастерства** укрепляется, а ценности **гармонии** и **равноправия** ослабевают⁸. Если такая рыночная система терпит крах, маятник культуры может качнуться в противоположную сторону.

2. Образовательные системы разных стран существенно различаются в плане того, насколько их идеология и практика основаны на ценностях **иерархии** и **принадлежности** или же **равноправия** и **автономии**. Если школам удастся решать важные задачи общества, те ценности, которые стоят за их образовательным подходом, будут усиливаться, в то время как противоположные им — ослабевать.

3. Практика воспитания детей существенно различается в разных странах и может отражать различные ценностные ориентации. Культурные ориентации, стоящие за воспитательной практикой в стране (будь то авторитарная, иерархически ориентированная или же детоцентричная, ориентированная на **автономию** и **равноправие** практика), будут подкрепляться в той мере, в какой семьям

⁸ Это, вероятно, и происходит сейчас во многих бывших коммунистических странах и в Израиле.

удается воспитывать отпрысков в соответствии с социальными потребностями общества и требованиями закона.

Ниже будут обсуждены четыре типа социальных структурных переменных, которые связаны с культурой двусторонними причинными связями: социально-экономический уровень, демократия и коррупция в политической системе, тип экономической системы, размер семьи. Господствующие ценностные ориентации влияют на эти аспекты социальной структуры и испытывают, в свою очередь, обратное влияние.

Социально-экономический уровень

Экономическое развитие несет людям финансовые и иные ресурсы. Это уменьшает зависимость людей от семейных кланов и групп. Для отдельных людей это означает как возможность, так и средства выбирать, позволяя им добиваться автономии и принимать на себя ответственность. Для общества в целом экономическое развитие делает желательным развитие индивидуальной уникальности и личной ответственности. Обществу необходимы разнообразные умения, знания, интересы, инновационность, чтобы успешно справляться с многочисленными задачами, новыми вызовами и скоростью изменений, сопутствующей развитию. В результате экономическое развитие стимулирует культурную **автономию** и **равноправие**, но приводит к ослаблению **принадлежности** и **иерархии**. В свою очередь, культура влияет на экономическое развитие. Культуры, которые упорно воспроизводят **принадлежность** и

иерархию, сдерживают индивидуальную инициативность и креативность, необходимую для экономического развития. Многие теоретики объясняют взаимное влияние культуры и развития сходным образом (Hofstede, 2001; Inglehart, 1997; Triandis, 1995; Welzel, Inglehart, Klingemann, 2003).

В первых трех строках табл. 1 представлены корреляции измерений культуры с социально-экономическим уровнем. Культурные **автономия** и **равноправие** положительно и сильно коррелируют со средним доходом на душу населения за 10 лет до измерения ценностей, в момент этого измерения и 9 лет спустя. Соответственно культурные **принадлежность** и **иерархия** сильно и отрицательно коррелируют с этими показателями благосостояния. **Гармония/мастерство** слабо связаны с развитием. Многие другие индикаторы развития (например, уровень образования, продолжительность жизни, потребление энергии, телефонизация, грамотность) показывают подобные связи с культурными ориентациями.

Ранее я сообщал о проведенном путевом анализе, где изучалось возможное причинное влияние ценностных ориентаций культуры на социально-экономическое развитие (Schwartz, 2007a). Я использовал индекс развития в 73 странах в 1993 г., чтобы предсказать ценностные ориентации и уровень демократизации. Индекс 1993 г. значимо предсказывал уровень развития в 2004 г. ($\beta = 0.73$), а также показатели **автономии/принадлежности** ($\beta = 0.78$), **равноправия/иерархии** ($\beta = 0.59$) по данным исследования 1995 г. и уровень демократизации ($\beta = 0.69$).

Табл. 1

Корреляции измерений культурных ценностных ориентаций с социально-экономическим развитием, демократизацией и размером семьи при контроле валового национального продукта на душу населения (ВНП) в 1985 г.

	N	Автономия минус принадлежность	Равноправие минус иерархия	Гармония минус мастерство
<i>Социо-экономическое развитие</i>				
1985 ВНП	75	0.59**	0.41**	0.26*
1995 ВНП	75	0.74**	0.47**	0.20
2004 ВНД	75	0.76**	0.53**	0.021
<i>Демократизация</i>				
1985	75	0.55** (0.40**)	0.43** (0.30*)	-0.02 (-0.14)
1995	75	0.73** (0.65**)	0.49** (0.37**)	0.29* (-0.20)
2002	75	0.72** (0.66**)	0.54** (0.45**)	0.33** (0.25*)
<i>Уровень коррупции</i>	75	-0.74** (-0.61**)	-0.51** (-0.37**)	-0.21** (-0.08)
<i>Соревновательный тип капитализма</i>	20	-0.55** [^] (-0.55*)	-0.52* (-0.57*)	-0.79** (-0.79**)
<i>Размер семьи</i>				
1985 Средний размер семьи	75	-0.72** (-0.60**)	-0.60** (-0.49**)	-0.38** (-0.31**)
2001 Средний размер хозяйства	75	-0.76** (-0.66**)	-0.41** (-0.24*)	-0.35** (-0.24*)

** $p < 0.01$, * $p < 0.05$, 2-сторонний критерий.

[^] Корреляция с интеллектуальной автономией минус принадлежность. См. текст для объяснения.

Корреляции в скобках — при контроле ВНП, 1985.

ВНП — валовый национальный продукт на душу населения, ВНД — Валовой национальный доход на душу населения, по: the World Bank; Средний размер хозяйства/семьи, по: Encyclopaedia Britannica Almanac; Уровень коррупции, по Kaufmann D., Kraay A. & Mastruzzi M. (2006).

Важный результат состоял в том, что **автономия/принадлежность** предсказывали изменения в развитии между 1993 и 2004 г. ($\beta = 0.20$, $p < 0.05$). Таким образом, это измерение культурных ценностей в свою очередь оказывает влияние на социально-экономическое развитие. Относительную силу взаимного влияния оценить невозможно, поскольку

в нашем распоряжении нет более ранних показателей культурных ценностей.

Политическая система

Политическая система — это другой аспект социальной структуры, который находится в отношениях взаимовлияния с культурой.

Строки 4, 5 и 6 в табл. 2 показывают связи культурных ориентаций с предшествующими, одновременными и последующими индексами демократизации в 75 странах (Freedom House, различные годы). Индекс демократизации относится как к гражданским свободам, так и к политическим правам. Демократизация сильно зависит от социально-экономического развития (Welzel, Inglehart, Klingemann, 2003). В скобках показаны корреляции культуры и демократизации при контроле национального благосостояния.

Автономия и демократия связаны между собой независимо от национального богатства. И наоборот, **принадлежность** противостоит демократии. Чем более желательно и допустимо для индивида в данной культуре следовать своим собственным идеям и чувствам и выражать их, тем выше уровень демократии в стране. Чем в большей степени культура требует от индивида жить согласно традициям группы и сохранять эти традиции, тем ниже уровень демократии. **Равноправие** тоже положительно (а **иерархия** — отрицательно) коррелирует с демократией, независимо от национального богатства. Культура, стимулирующая людей обращаться с другими как с равными и добровольно участвовать в поддержании общественного устройства, ведет к демократии и поддерживает ее. Культура, которая требует от людей беспрекословного исполнения ролей в иерархической структуре, противостоит демократии. Ясной связи **гармонии/мастерства** с демократией не установлено.

Ранее автор провел путевой анализ, чтобы изучить возможные вза-

имные причинные влияния между культурными ориентациями и уровнем демократии (Schwartz, 2007a). Анализ показал, что предшествующий уровень демократии (1985 г.) не оказал влияния на культурные ориентации (1995 г.) при контроле социально-экономического развития. Чтобы выяснить, влияет ли культура на *изменение* уровня демократичности, индексы демократичности, социально-экономическое развитие и культурные ориентации 1995 г. были использованы как предикторы демократичности в 2002 г. Как **автономия/принадлежность** ($\beta = 0.18, p < 0.05$), так и **равноправие/иерархия** ($\beta = 0.16, p < 0.05$) независимо предсказали изменения в демократичности. Предшествующее развитие оказало влияние на эти ценности, а они, в свою очередь, в полной мере опосредовали влияние развития на демократию. Проведенный путевой анализ приводит к представлениям о причинной направленности от культуры к уровню демократичности, но не наоборот, что заслуживает дополнительных исследований.

Еще один важный аспект политической системы — масштабы взяточничества и коррупции в стране. Я использовал индекс из базы данных Всемирного банка (Kaufmann, Kraay, Mastruzzi, 2006), который оценивает коррумпированность чиновников и частоту «доплат», чтобы «дело было сделано». Строка 7 табл. 1 показывает корреляцию культурных ориентаций с индексом 2004 г. Коррупция сильно и отрицательно связана с социально-экономическим развитием ($r = -0.54$) в 75 проанализированных странах. Поэтому в скобках показаны корреляции культуры

и коррупции при контроле национального богатства. Корреляции показывают, что распространение взяточничества и коррупции связано с культурными **принадлежностью** и **иерархией**. Коррупция меньше в культурах, которым свойственны **автономия** и **равноправие**. Корреляции ослабевают при контроле национального дохода, но все равно остаются значимыми.

Среди десяти наиболее коррумпированных стран в этом индексе присутствуют четыре восточноевропейские: Украина, Грузия, Россия и Болгария. Все четыре ниже общемирового среднего уровня по шкалам **автономия** (минус **принадлежность**) и **равноправие** (минус **иерархия**). Корреляции показывают, что чем больше культура делает акцент на идентификацию с собственной группой и выполнение обязанностей в иерархизированном социальном порядке, тем больше в стране коррупции. **Принадлежность** и **иерархия** заставляют предпочитать свой клан или начальника в ущерб рациональному управленческому образу мысли. Во многих наиболее коррумпированных странах внешние силы наложили государственные ограничения на разнообразные и конфликтующие этнические группы (так, например, поступили французы в Африке). В этих странах потребность в сохранении внутригруппового единства усилила культурную **принадлежность** и еще больше ослабила лояльность государству и его правовой системе. Это, вероятно, основной путь влияния этих культурных ориентаций на коррупцию.

Свидетельствует ли корреляция о причинном влиянии культуры на коррупцию? Путевой анализ свидетельствует в пользу того, что культурная **автономия** (минус **принадлежность**) приводит к уменьшению коррупции. В этом анализе я исследовал, как национальный доход в 1985 г. и культурные шкалы, по данным исследования 1995 г., влияли на изменения индекса коррупции с 1996 по 2004 гг. **Автономия–принадлежность** значимо предсказывали изменение коррупции ($\beta = 0.23$, $p < 0.001$). Благосостояние страны в 1985 г. влияло на коррупцию в 2004 г. лишь опосредованно — через коррупцию в 1996 г. и **автономию–принадлежность**. Ввиду отсутствия более ранних данных по коррупции, нельзя было установить, влияет ли коррупция на культуру.

Тип экономической системы⁹

Разнообразные теории капитализма выстраивают экономическое устройство различных стран по оси от «либеральных» до «управляемых» рыночных систем (Hall, Soskice, 2001). Рыночное соревнование — главный способ регулирования в более либеральных экономиках. В идеологии подобных экономических систем заложена предпосылка: общество достигает наилучшего качества и количества услуг и товаров, когда все люди соревнуются, преследуя свои интересы на свободном рынке. В более координируемых экономических системах стратегическое взаимодействие между фирмами играет центральную роль. Наилучший результат

⁹ Более детальное обсуждение см.: Schwartz, 2007b.

достигается, когда различные хозяйствующие субъекты совместно работают над достижением своих целей. Они устанавливают взаимное доверие и обязательства через обмен информацией, переговоры, контроль и санкции.

П. Холл и Д. Гингрич разработали индекс, который устанавливает места различных стран на континууме типов рыночных систем (Hall, Gingerich, 2004). Соединенные Штаты превосходят всех в плане конкурентности экономики, другие англоязычные страны также имеют высокие показатели. Экономические системы Австрии и Германии в наибольшей степени основываются на сотрудничестве. Показатели по этому индексу не коррелируют с богатством страны. Таким образом, отношения этих показателей к культуре не опосредованы возможными влияниями различий в национальных доходах.

Преследование собственных интересов, увеличение выгоды и экономический рост находятся в центре идеологии и повседневной практики соревновательных экономик (Kasser, Sohn, Kanner, Ryan, 2007). Эксплуатация ресурсов и людей в целях развития преобладает над сохранением природных богатств и защитой благополучия людей, чьи интересы находятся в конфликтных отношениях. Соревновательный тип экономики соответствует культурам с высоким **мастерством** и низкой **гармонией**. В седьмой строке табл. 1 приведены корреляции культурных ориентаций с соревновательностью в экономике в 20 индустриальных странах. Корреляция в размере -0.79 хорошо соответствует теоретическим ожиданиям.

Соревновательная экономическая система также соответствует **иерархической** культуре в противоположность культуре **равноправия**. Капиталисты, трудящиеся, потребители, начиная с разных исходных уровней ресурсов, стараются увеличить свои доходы на соревновательном рынке, даже если это происходит в ущерб другим. Неизбежный результат — неравномерное распределение ресурсов, оправдываемое в соревновательных сообществах. Рыночные силы, благоприятствующие сильному, в большей степени управляют экономическими взаимодействиями, чем интернализированные ценности кооперации с другими. Корреляция в размере -0.52 с **равноправием/иерархией** подтверждает теоретические ожидания в отношении этого культурного измерения.

Т. Кессер с соавт. в противоположность расхожему мнению утверждают, что соревновательная экономическая система скорее разрушает, чем создает личную свободу (Kasser et al., 2007). Она превозносит финансовый успех, создает идеалы, которым мало кто может соответствовать, рекламирует продукты, к обладанию которыми необходимо стремиться, и заставляет людей работать больше, тяжелее и с меньшим выбором, чем они бы хотели. Такая практика стимулирует зависимость от внешних ожиданий и лишает людей возможности культивировать собственные интересы. Это вступает в противоречие с ценностью **интеллектуальной** (хотя и не аффективной) **автономии**. Менее ясно, соответствует ли соревновательной экономике ценность **принадлежности**. Давление в сторону принятия внешних

ожиданий и соответствия им созвучно этой ценности. Моя теория принимает, что культуры с низкой **автономией** характеризуются высоким уровнем **принадлежности**. Корреляция в размере -0.55 с соответствующим культурным измерением (см. табл. 1) подтверждает теоретические ожидания. Как **интеллектуальная автономия** ($r = -0.56$), так и **принадлежность** ($r = -0.45$) вносят свой вклад в эту корреляцию.

В целом тип экономической системы в промышленно развитых странах (различия в соревновательности—сотрудничестве в рамках капиталистической системы) сильно коррелирует с культурными ориентациями этих стран. Наш анализ не может оценить направления причинно-следственных связей, однако вероятным представляется взаимное влияние. Правдоподобно и то, что культура где-то поддерживает, а где-то сдерживает идеологию, стоящую за экономической системой.

Заключительные замечания

Представления о ценностных ориентациях культуры, изложенные в этой статье, являются одним из способов осмысления и измерения одного из ключевых элементов культуры. Эти ориентации характеризуют культуры, а не отдельных людей. Различия показателей стран не связаны с психическим складом никакого конкретного человека, различия между любыми двумя людьми не отражают культурных дистанций между обществами. Эти ориентации стоят за способами функционирова-

ния общественных систем, создают для них идеологическую почву и согласуют различные процессы. Ориентации являются внешними по отношению к людям, они выражаются в особенностях стимулов и ожиданий, с которыми сталкиваются члены культурной группы. Таким образом, эта концепция культуры отличается от взглядов на нее как на психологическую переменную.

Культуры никогда не бывают полностью согласованными и непротиворечивыми. Различные институты внутри обществ опираются в большей степени на ценности, связанные с их функциями (например, иерархия в армии, принадлежность в семье, мастерство на рынке, интеллектуальная автономия в науке). Этнические, профессиональные, религиозные и другие группы внутри общества могут подвергаться различным культурным воздействиям и развивать различные ценностные предпочтения. Эти различия приводят к социальному напряжению, конфликтам и изменениям. Одноразовое, статичное измерение культуры страны в целом, таким образом, проблематично. Тем не менее, приведенные выше данные доказывают, что культурные ценностные профили доминирующих культурных групп могут быть плодотворно использованы для характеристики обществ. Эти данные позволяют устанавливать динамичные причинно-следственные отношения между культурой и важными социальными феноменами.

Перевод с англ. Е.А. Валуевой

Литература

- Bellah R.N., Madsen R., Sullivan W.M., Swidler A., Tipton S.M.* Habits of the heart: Individualism and commitment in American life. New York: Harper & Row, 1986.
- Benedict R.* The chrysanthemum and the sword: Patterns of Japanese culture. New York: New American Library, 1974/1946.
- Bond M.H.* Chinese values // M.H. Bond (ed.) Handbook of Chinese psychology. Hong Kong: Oxford University Press, 1996.
- Borg I., Groenen P.J.F.* Modern multidimensional scaling: Theory and applications, 2nd ed. New York: Springer-Verlag, 2005.
- Botero J., Djankov S., La Porta R., Lopez-de-Silanes F.* The regulation of labor // Quarterly Journal of Economics. 2004. 119. 1339–1382.
- Brett J.M.* Negotiating globally: How to negotiate deals, resolve disputes, and make decisions across cultural boundaries. San Francisco: Jossey-Bass, 2001.
- De Clercq S.* Extending the Schwartz Value Theory for Assessing Supplementary Person-Organization Fit. Unpublished PhD. dissertation, Universiteit Ghent, Belgium, 2006.
- Diamond J.* Guns, germs and steel: The fate of human societies. New York: Norton, 1997.
- Encyclopaedia Britannica Almanac 2005. Chicago: Encyclopedia Britannica, 2004.
- Ester P., Halman L., Seuren B.* Environmental concern and offering willingness in Europe and North America // P. Ester, L. Halman, R. de Moor (eds.). The individualizing society: Value change in Europe and North America. Tilburg, The Netherlands: Tilburg University Press, 1994. P. 163–181.
- Etzioni A.* The spirit of community: The reinvention of American society. New York: Simon & Schuster, 1993.
- Fontaine J.R.J., Poortinga Y.H., Delbeke L., Schwartz S.H.* Structural equivalence of the values domain across cultures: Separating sampling fluctuations from meaningful variation // Journal of Cross-Cultural Psychology (in press).
- Freedom in the world. Freedom House (ed.). Lanham, MD: University Press of America (various years).
- Goldreich Y., Raveh A.* Coplot display technique as an aid to climatic classification // Geographical Analysis. 1993. 25. 337–353.
- Guttman L.* A general nonmetric technique for finding the smallest coordinate space for a configuration of points // Psychometrika. 1968. 33. 469–506.
- Gyekye K.* Tradition and modernity: Philosophical reflections on the African experience. New York: Oxford University Press, 1997.
- Hall P.A., Gingerich D.W.* Varieties of capitalism and institutional complementarities in the macroeconomy: An empirical analysis. MPIfG Discussion Paper 04/5. Max Planck Institute for the Study of Societies: Cologne, Germany, 2004.
- Hofstede G.* Culture's consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills CA: Sage, 1980.
- Hofstede G.* Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. Beverly Hills CA: Sage, 2001.
- House R.J., Hanges P.J., Javidan M., Dorfman P.W., Gupta V.* Culture, leadership, and organizations: The Globe study of 62 societies. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004.
- Huntington S.P.* The clash of civilizations. Foreign Affairs. 1993. 72. 22–49.
- Inglehart R.* Modernization and post-modernization: Cultural, economic and political change in 43 societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

- Inglehart R.* International Conference on Comparing Cultures, Tilburg, The Netherlands. 2001. April.
- Inglehart R., Baker W.E.* Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*. 2000. 65. 19–51.
- Kashima E.S., Kashima Y.* Culture and language: The case of cultural dimensions and personal pronoun use // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1998. 29. 461–486.
- Kasser T., Cohn S., Kanner A.D., Ryan R.M.* Some costs of American corporate capitalism: A psychological exploration of value and goal conflicts // *Psychological Inquiry*. 2007. 18. 1–22.
- Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M.* Governance matters V: Aggregate and individual governance indicators for 1996–2005 // Appendix B3. Washington, DC: World Bank. Available on 2006. December. 3. at website: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/WBI/EXTWBIGOVANTCOR/0,,contentMDK:21045419~menuPK:1976990~pagePK:64168445~piPK:64168309~theSitePK:1740530,00.html>.
- Kluckhohn F., Strodtbeck F.* Variations in value orientations. Evanston, IL: Row, Peterson, 1961.
- Kirkman B.L., Lowe K.B., Gibson C.B.* A quarter century of Culture's Consequences: A review of empirical research incorporating Hofstede's cultural value framework // *Journal of International Business Studies*. 2006. 37. 285–320.
- Kogut B., Singh H.* The effect of national culture on the choice of entry mode // *Journal of International Business Studies*. 1988. 19. 411–432.
- Kohn M.L., Schooler C.* Work and personality. Norwood, NJ: Ablex, 1983.
- Lewis B.* What went wrong: The clash between Islam and modernity in the Middle East. New York: Harper Collins, 2003.
- Matsumoto D.R.* The new Japan: Debunking seven cultural stereotypes. Boston: Intercultural Press, 2002.
- Moghaddam F.M., Crystal D.S.* Revolutions, Samurai, and reductions: The paradoxes of change and continuity in Iran and Japan // *Political Psychology*. 1997. 18. 355–384.
- Naroll R.* Galton's problem // R. Naroll, R. Cohen (eds.). *A handbook of method in cultural anthropology*. New York: Columbia University Press, 1973. P. 974–989.
- Putnam R.D.* Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.
- Schwartz S.H.* Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // M. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. Vol. 25. New York: Academic Press, 1992. P. 1–65.
- Schwartz S.H.* Beyond individualism/collectivism: New cultural dimensions of values // Kim U., Triandis H.C., Kagitcibasi C., Choi S.-C., Yoon G. (eds.), *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. P. 85–119.
- Schwartz S.H.* Cultural value differences: Some implications for work // *Applied Psychology: An International Review*. 1999. 48. 23–47.
- Schwartz S.H.* Mapping and interpreting cultural differences around the world // Vinken H., Soeters J., Ester P. (eds.). *Comparing cultures, Dimensions of culture in a comparative perspective*. Leiden, The Netherlands: Brill, 2004.
- Schwartz S.H.* Basic human values: Their content and structure across countries // A. Tamay, J.B. Porto (eds.). *Valores e Comportamento nas Organizações [Values and Behavior in Organizations]* Petrópolis, Brazil: Vozes, 2005a. P. 21–55.
- Schwartz S.H.* Robustness and fruitfulness of a theory of universals in individual

- human values // A. Tamayo, J.B. Porto (eds.). *Ibid.*, 2005b. P. 56–95.
- Schwartz S.H.* Les valeurs de base de la personne: Théorie, mesures et applications [Basic human values: Theory, measurement, and applications] // *Revue française de sociologie*. 2006a. 42. 249–288.
- Schwartz S.H.* Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations // R. Jowell, C. Roberts, R. Fitzgerald, G. Eva (eds.). *Measuring attitudes cross-nationally: Lessons from the European Social Survey*. London: Sage, 2006b. P. 169–203.
- Schwartz S.H.* A theory of cultural value orientations: Explication and applications // Y. Esmer, T. Pettersson (eds.). *Measuring and mapping cultures: 25 years of comparative value surveys*. Leiden, The Netherlands: Brill, 2007a. P. 33–78.
- Schwartz S.H.* Cultural and individual value correlates of capitalism: A comparative analysis // *Psychological Inquiry*. 2007b. 18. 52–57.
- Schwartz S.H.* Causes of culture: National differences in cultural embeddedness (in press).
- Schwartz S.H., Bardi A.* Influences of adaptation to communist rule on value priorities in Eastern Europe // *Political Psychology*. 1997. 18. 385–410.
- Schwartz S.H., Bardi A., Bianchi G.* Value adaptation to the imposition and collapse of Communist regimes in Eastern Europe // S. A. Renshon, J. Duckitt (eds.). *Political Psychology: Cultural and Cross Cultural Perspectives*. London: Macmillan, 2000. P. 217–237.
- Schwartz S.H., Boehnke K.* Evaluating the structure of human values with confirmatory factor analysis // *Journal of Research in Personality*. 2004. 38. 230–255.
- Schwartz S.H., Ros M.* Values in the West: A theoretical and empirical challenge to the Individualism-Collectivism cultural dimension // *World Psychology*. 1995. 1. 99–122.
- Schwartz S.H., Rubel T.* Sex differences in value priorities: Cross-cultural and multi-method studies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. 89. 1010–1028.
- Schwartz S.H., Rubel-Lifschitz T.* Explaining international variation of sex differences in value priorities. Submitted manuscript, 2007.
- Siegel J.I., Licht A.N., Schwartz S.H.* Egalitarianism, cultural distance, and FDI: A new approach. Harvard Business School working paper. 2007. April.
- Tihanyi L., Griffith D.A., Russell C.J.* The effect of cultural distance on entry mode choice, international diversification, and MNE performance: A meta-analysis // *Journal of International Business Studies*. 2005. 36. 270–283.
- Triandis H.* Individualism and collectivism. Boulder, CO: Westview, 1995.
- Varieties of capitalism: The institutional foundations of comparative advantage / P.A. Hall, D. Soskice (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Walmsley R.* World prison population list. Downloaded February. 2008. 18. from www.prisonstudies.org.
- Weber M.* The Protestant ethic and the spirit of capitalism. New York: Scribners, 1958.
- Welzel C., Inglehart R., Klingemann H.-D.* The theory of human development: A cross-cultural analysis // *European Journal of Political Research*. 2003. 62. 341–379.
- Williams R. M., Jr., Values. / E. Sills (ed.). *International encyclopedia of the social sciences*. New York: Macmillan, 1968.
- Zemov N.* Eastern Christendom. London: Weidenfeld and Nicholson, 1961.
- Zemov N.* Christianity: The Eastern Schism and the Eastern Orthodox Church // R.C. Zaehner (ed.). *The Concise Encyclopedia of Living Faiths*. London: Hutchinson, 1971. P. 77–93.

Приложение

Я благодарен следующим людям, производившим сбор данных по ценностям, на которых был основан анализ, представленный в данной статье

Австралия	Andrew Ellerman, Norman Feather
Австрия	Eva Mautner, Gerald Mikula
Аргентина	Maria Casullo
Бельгия	Johnny Fontaine
Болгария	Krassimira Baytchinska, Ute Stephan
Боливия	Maggye Foster
Босния-Герцеговина	Merim Bilalic
Бразилия	Alvaro Tamayo
Великобритания	Glynis Breakwell, Adrian Furnham
Венгрия	Zsuzsanna Vajda
Венесуэлла	Sharon Reimel de Carrasquel, Jose Miguel Salazar
Гана	Charity Akotia
Германия Восточная	Klaus Boehnke, Ute Stephan
Германия Западная	Klaus Boehnke, Leo Montada, Manfred Schmitt, Ute Stephan
Гонконг	Michael Bond
Греция	James Georgas
Грузия	George Nidharadze
Дания	Suzanne Beckmann
Египет	Gillian Rice
Зимбабве	Patrick Chiroro, Kathleen Myambo
Израиль	Galit Sagie, Lilach Sagiv
Индия	Deepa Punetha, Jyoti Verma
Индонезия	Engelina Bonang, Gisela Dahme
Иордания	Anonymous
Иран	Anonymous
Ирландия	Neil Johnston, Carlos Sousa
Испания	Hector Grad, Maria Ros
Италия	Rosalba Giacopino, Sonia Roccas, Giancarlo Tanucci
Йемен	Hadoon All Attass
Камерун	Athanosios Chasiotis, Jan Hofer, Bame Nsamenang
Канада	Karen Dion, Kenneth Dion, Tara Marshall, Michel Sabourin
Кипр	Michalis Papadopoulos

Китай	Wei Zhi Gang, Wu Peiguan
Колумбия	Gustavo Gomez, Maria Claudia Peralta, Sofia Esqueda, Maria Cristina Villegas
Корея Южная	Gyu-seog Han, Uichol Kim, Kyungai Son
Коста-Рика	Domingo Campos, Athansios Chasiotis, Jan Hofer
Латвия	Ivar Austers
Македония	Ilina Todorova
Малайзия	Shripati Uphadhyaya
Мексика	Wofgang Bilsky, Rolando Diaz Loving
Намибия	Roderick Fulata Zimba
Непал	Regmi Murari
Нигерия	'Sola Olowu
Нидерланды	Sipke Huismans
Новая Зеландия	Colleen Ward
Норвегия	Andreas Gronningsaeter, Kyrre Moen
Перу	Renee Mayorga Chavez, Jose Luis de Cossio,
Польша	Maria Jarymowicz, Ute Stephan, Anna Szuster
Португалия	Bartolo Campos & Isabel Menezes
Россия	Igor Dubov, Nadezda Lebedeva, Alexey Levinson, Michael McCarrey, Leonid Smirnov
Румыния	Kathy Frost
Сенегал	Aliou Sall
Сербия	Gordana Jovanovic, Goran Knezevic
Сингапур	Agnes Chang, Weining Chang, Star Soh
Словакия	Gabriel Bianchi, Viera Rozova
Словения	Darja Piciga
США	Dwight Frink, Judy Howard, David Karp, Dan Landis, Greg Rose, Renuka Sethi, B. James Starr, Patrick Steffen, Harry Triandis
Тайвань	Mei-Chi Li, Louis Young
Таиланд	Ubolwanna Pavakanun
Турция	Aydan Gulerce, Cigdem Kagitcibasi
Уганда	John Munene
Украина	Lena Andreyeva, Tetiana Posnova, Renuka Sethi
Фиджи	Bert Richmond
Филиппины	Cecilia Gastardo-Conaco, Paul Mercado, Juseph Puyat
Финляндия	Martti Puhiniemi, Antti Uutela, Markku Verkasalo

Франция	Beatrice Hammer, Alexandre Kurc, H Paicheler, Genvieve Vinsonneau Monique Wach
Хорватия	Silvia Susnija
Чешская республика	Jan Srnec, Ute Stephan
Чили	Jose Saiz
Швейцария	J.-B. Dupont, Francis Gendre, Dario Spini
Швеция	Åke Daun, Markku Verkasalo
Эстония	Toomas Niit
Эфиопия	Mesfin Samuel Mulato
Южная Африка	Ian Rothmann, Loraine Scholtz, Erika van der Watern, Marie Wissing
Япония	Hidekazu Hakoi, Sumiko Iwao, Saburo Iwawaki, Mark Radford, Osamu Takagi